
ЯГА
5-2
ЛАНА ЭМБЕР
Как Яга Исток искала
Сказки для взрослых

ЛАНА ЭМБЕР

КАК ЯГА ИСТОК ИСКАЛА.
Книга вторая. Четвёртая дорога

«Автор»
2026

ЭМБЕР Л.

КАК ЯГА ИСТОК ИСКАЛА. Книга вторая. Четвёртая дорога / Л. ЭМБЕР — «Автор», 2026

Вторая часть саги. Четвёртая дорогаЙольские ночи продолжаются, и дорога уводит Ягу с солнечного Родоса под ирландский дождь. В кармане у неё зеркало с двенадцатью прародительницами, на шее три ключа Гекаты, в авоське банка мёда. Ягу ждёт тайна рыжей Шэнон, которая когда-то закрыла древнюю дорогу и не знала, кого отрезала от рода вместе с ней.В Ирландии её встречают древние холмы, пабы, лепрекон-должник и богиня Морриган, у которой за всё назначена цена. Впервые за чудеса приходится платить памятью, и самое дорогое, что у Яги забирают, — воспоминание о том, как она нашла свою любовь.На Мальте её ждут рыцарские крепости, архивы инквизиции и подземелье, где на Ягин окрик впервые за века кто-то отзывается. Хорошо, что на подмогу прибывает пятничное Вече.Смешная и нежная сказка для взрослых о цене волшебства и о том, что самое страшное иногда заперто там, куда никто не догадался позвать.

© ЭМБЕР Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая.Дороги 6
Глава вторая. Дублин 13
Глава третья.Паб 17
Глава четвёртая. Гейс 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

ЛАНА ЭМБЕР
КАК ЯГА ИСТОК ИСКАЛА.
Книга вторая. Четвёртая дорога

ЧАСТЬ I. ИРЛАНДИЯ

Глава первая.Дороги

Первым делом Ирландия попыталась Ягу утопить.

Дождь здесь шёл совершенно особенным образом. Он не падал с неба, как положено порядочному дождю, а висел в воздухе мелкой холодной взвесью, забирался под ворот, полз по спине и каким-то непостижимым образом мочил даже то, что Яга предусмотрительно прикрывала. Ведьма стояла посреди зелёного холма, прижимая к груди авоську с банкой пихтового мёда, и вспоминала родосское солнце с такой нежностью, какой не всякий муж дождётся.

— У них тут что, дождь на мельнице мелют?!

Ветер немедленно швырнул ей в лицо новую пригоршню воды.

— Поняла, поняла! Повторять не надо!

Льняное платье, ещё вчера казавшееся превосходным выбором для греческого лета, липло к ногам, как обиженная родня. Сандалии хлюпали, волосы намокли и повисли сосульками, а земля под ногами была такой мягкой, что каждый шаг сопровождался неприличным чавканьем. Вокруг, сколько хватало глаз, тянулись холмы в траве такой ядрёной зелени, будто их красили к приезду Яги. Низкие каменные ограды делили поля на неровные лоскуты, вдали паслись овцы, между ними лениво ползли полосы тумана. Над ближайшим склоном поднимались древние земляные валы, и на одном из них темнела каменная фигура. Ни дома, ни трактира, ни хотя бы завалящей избушки на курьих ногах поблизости не наблюдалось.

— Шэнон! — Яга выудила из кармана зеркало. — Ты уверена, что это Ирландия, а не чей-нибудь огород после потопа?

В серебре проступило лицо рыжей прародительницы.

— Ирландия, — коротко ответила Шэнон.

— Тогда передай своим соотечественникам, что с поливом они перестарались.

Шэнон не улыбнулась. Зато за её плечом тут же возникла Добронега, всплеснула руками и запричитала:

— Ягусенька, ножки! Я же говорила, бери тёплое! Хоть плащ накинь, простудишься, а лечить тебя тут некому!

— Какой плащ? — возмутилась Яга. — У меня с собой мёд, три ключа и остатки достоинства!

— Сотвори, — подсказала Ведана.

— Это я что, опять забыла, что я ведьма? — вздохнула Яга и сердито щёлкнула пальцами. На плечи ей лёг широкий тёмный шерстяной плащ с глубоким капюшоном и красивой застёжкой у горла. Ткань была плотная, тёплая и на вид совершенно неуязвимая. Ведьма завернулась в неё, подняла подбородок и приготовилась почувствовать себя загадочной странницей из иных миров. Загадочной странницей она пробыла ровно до первого порыва ветра. Полы плаща взлетели, капюшон съехал на глаза, а сырость полезла под шерсть с такой решительностью, будто магия была для неё рекомендацией, причём необязательной.

— Да чтоб тебя! — Яга выпростала лицо из капюшона. — У Гекаты хитон на ветру даже не шелохнулся, а мне досталась тряпка с характером!

— Ты сама её сотворила, — заметила Мирослава и тем же ровным голосом добавила: — А ещё тут евро. И цены, говорят, совсем не греческие. Так что мёд береги.

— Спасибо, Мирослава. Очень помогла.

Яга сунула зеркало в карман, поправила авоську и зашагала к каменной фигуре.

Холм оказался частью большого древнего комплекса: валы кольцами охватывали широкие травяные площадки, между ними вились тропинки, и всё это было мокрое, тихое и такое старое, что даже овцы ступали здесь с некоторым почтением. У одной из дорожек стоял каменный святой Патрик в митре и с посохом и держал поднятую руку над всей Ирландией сразу.

— Ну здравствуй, святой человек, — сказала ему Яга. — И ты сюда добрался?

— Без приглашения, — негромко сказала из кармана Шэнон.

Яга хмыкнула. Эту песню она уже слышала в горнице прародительниц, в ночь их знакомства, и тогда за столом все дружно смеялись. Сейчас Шэнон сказала это без тени улыбки.

Рядом со статуей, будто нарочно, чтобы святому было с кем помолчать, из травы торчал другой камень, куда древнее: тёмный, грубый, вытянутый, весь в оспинах столетий. Когда Яга подошла, ключ дороги на шнурке слегка потеплел.

— А ты, похоже, поинтереснее будешь. Бабушки, что это за булыжник?

— Лиа Фаль, — отозвалась Ведана, и по голосу было слышно, как она обрадовалась вопросу. — Камень судьбы. По преданию, он вскрикивал, когда на него вставал законный верховный король Ирландии.

Яга обошла камень, осторожно коснулась его ладонью, потом встала рядом, упёрла руки в бока и торжественно объявила на весь холм:

— Я, между прочим, тринадцатая ведьма Рода! Повелительница порталов! Обладательница трёх ключей Гекаты! И вообще женщина замужняя, уважаемая, с хозяйством!

Камень молчал. Яга подождала, постучала по нему костяшками пальцев, как стучат в дверь к глуховатой соседке, и снова подождала, с тем же успехом.

— Под королями орёт, а под королевой молчит. Вот она, каменная дискриминация!

— Может, ему корона нужна? — хихикнула Любомира.

— Ему уши нужны! Я о себе столько хорошего рассказала, а он даже не пискнул.

— Он не обязан кричать, — вдруг сказала Шэнон.

Сказала тихо, без всякой насмешки, и Яга внимательно на неё посмотрела.

— Это я уже поняла. У нас с ним взаимное разочарование.

Она оставила Лиа Фаль стоять среди мокрой травы в обществе святого и направилась к невысокому кургану неподалёку. В склоне его темнел узкий проход, забранный металлической решёткой.

— Только не говорите, что мне опять туда.

— Курган заложников, Тара — объяснила Ведана. — Погребальное сооружение. Он старше здешних королей на много веков.

Яга наклонилась к решётке. За ней уходил в темноту тесный каменный коридор, такой узкий, что плечами можно было задеть обе стены разом, а дальше начиналась темнота, которой было совершенно всё равно, кто ты и сколько у тебя ключей. Живот у Яги неприятно сжался. Перед глазами встало дупло, в котором она застряла в детстве, а следом тоннель Семи источников: ледяная вода, темнота, чужие шаги за спиной и собственное дыхание, слишком громкое в тесноте.

— Нет уж, — Яга выпрямилась. — На сегодня с меня дырок в земле достаточно.

— Внутри находили украшения, бусины, — продолжала Ведана, не заметив её бледности. — Даже бусину из египетского фаянса.

— Египетского? Далеко ж её занесло.

— Золото нашли? — немедленно вклинилась Мирослава.

— Мирослава! — ахнула Зоряна. — Здесь умерших хоронили!

— Вот я и спрашиваю, с чем хоронили. Надо же понимать, что у людей ценилось.

Яга покачала головой. Ведана тем временем рассказывала, что на Таре собирались короли со своими людьми, что холм хранил память о древних обрядах и что в ночь Самайна здесь зажигали огонь, а угольки от него уносили по домам как самый сильный оберег. На слове «Самайн» Яга невольно подняла голову. Сколько же всего случилось с той ночи у холма Свентовита! Тогда ей казалось, что достаточно попросить показать Исток, и она узнает, откуда пришёл её Род. А теперь за плечами остались Париж, римские гладиаторы, двенадцать сварливых прародительниц, проклятие, Геката и три ключа, и ни один из ключей пока не объяснил, как вернуться к самому началу. Яга коснулась серебряного напёрстка на среднем пальце и пошла дальше.

За земляным валом открылся широкий мокрый луг с овцами. Овцы были такие белые и пушистые, что Яге захотелось поймать одну и завернуться в неё вместо плаща. На незнакомку они смотрели с полным отсутствием интереса: одна жевала траву, другая чесала бок о камень, третья стояла посреди лужи с видом существа, которому в этой жизни терять уже нечего.

— Вот у кого жизнь устроена, — позавидовала Яга. — Еда под ногами, шуба при себе, и никто не требует спасать родовую память.

Она присела на камень вытряхнуть воду из сандалии и тут услышала за спиной негромкий свист. По тропинке шёл пожилой мужчина в потёртой куртке, мокрой кепке и высоких резиновых сапогах, а за ним трусила лохматая пастушья собака. Пахло от него мокрой шерстью и чем-то тёплым и землистым, вроде печного дыма пополам с болотом; позже Яга узнала, что так пахнет торф. Мужчина остановился и что-то спросил. Перевод, сопровождавший Ягу с самого Парижа, привычно сделал своё дело: она поняла старика так же легко, как соседку через забор, и ответила ему на его же языке, даже не задумавшись.

— Гуляю, — объяснила она. — Камни смотрю.

Старик окинул взглядом её сандалии, мокрое платье, плащ, который ветер снова норовил задрать, и авоську.

— Легко вы одеты для нашей погоды.

— Вы даже не представляете насколько.

Он усмехнулся и присел на соседний камень с видом человека, у которого впереди целая вечность, и половину её он собирается провести именно здесь. Собака улеглась у его ног и положила морду на лапы.

— Тара, — сказал старик, оглядывая холмы, как оглядывают собственный двор. — Когда-то сюда сходились дороги со всей Ирландии.

Яга насторожилась.

— Дороги?

— Пять великих дорог. Шлиге Мидлуахра, Шлиге Хуаланн, Шлиге Ассайл, Шлиге Дала и Шлиге Мор. — Он произносил названия неторопливо, будто пробовал их на вкус. — Рассказывают, все пять открылись в одну ночь, когда родился король Конн. Каждая вела в свою сторону, а вместе они держали королевство, как обручи держат бочку.

Яга слушала, машинально перебирая ключи на шнурке.

— И все пять отсюда?

— Так говорят. Хотя теперь поди найди, где какая шла. Дороги меняют русло не хуже рек: одни зарастают, другие становятся улицами, третьи остаются только в рассказах.

— А если дорогу совсем убрать? Чтобы её больше никто никогда не нашёл?

Старик посмотрел на неё с интересом и почесал подбородок.

— Забыть, куда она вела, можно. Запретить по ней ходить тоже можно, у нас запреты любят. А чтобы совсем убрать… — Он помолчал. — Это уже для тех, кто любит старые сказки.

— Я как раз люблю.

— Тогда слушайте про короля Конаре.

И рассказал. Про Конаре, которого дорога Шлиге Хуаланн привела в Тару, к королевской власти, и которому вместе с короной достался целый мешок запретов: не обходить Тару по правую руку, не охотиться на одних зверей, не ночевать там, где после заката виден свет огня, не пускать к себе в дом после заката одинокую женщину. Яга подумала, что её саму Конаре на порог бы не пустил, и решила на всякий случай не обижаться. Много лет всё у короля шло хорошо, а потом одно обстоятельство заставило его нарушить один запрет, за ним потянулся второй, и та самая дорога, что когда-то привела его к трону, повела его прочь, к заезжему дому Да Дерга, откуда он уже не вернулся. Старик говорил просто, без торжественности, то и дело прерываясь, чтобы прикрикнуть на собаку или поправить сползшую кепку, и от этого история звучала не как легенда, а как новость про дальнего соседа.

— Получается, — сказала Яга, когда он умолк, — корону ему вручили, а инструкцию по эксплуатации написали мелким шрифтом?

Старик рассмеялся.

— Вроде того. Дорога, хозяйка, не спрашивает, куда тебе надо. Она знает, куда ведёт.

— Знакомое дело. У нас тоже сначала вручают человеку силу, а потом выясняется, что к ней прилагается проклятие на тринадцать поколений.

Он поднял брови, ожидая продолжения.

— Семейные сложности, — пояснила Яга.

— Бывает, — понимающе кивнул старик. — Мой брат с роднёй двадцать лет землю поделить не может.

Яга посмотрела на него с уважением. Человек, способный поставить двадцатилетнюю тяжбу за межу в один ряд с родовым проклятием, определённо понимал жизнь. Наконец он поднялся, свистнул собаке и пожелал ей удачи.

— Если ищете старые дороги, смотрите не только под ноги, — сказал он на прощание. — Иногда лучше оглянуться.

— А если найду лишнюю, вам сообщить?

— Сперва убедитесь, что она вам нужна.

Он ушёл по тропинке, а собака, прежде чем потрусить следом, обернулась и посмотрела на Ягу долгим внимательным взглядом.

— Ишь ты, — пробормотала ведьма. — Тут даже пастухи загадками разговаривают. Видать, климат способствует.

Дождь тем временем почти перестал. Туман отполз к дальним холмам, и сквозь облака начал сочиться тусклый жемчужный свет. Яга поднялась на земляной вал, откуда были видны луга. Внизу, у неглубокой ложбины с водой, неподалёку от овец расположились лебеди: несколько взрослых белых птиц и молодняк, ещё не сменивший сероватого оперения. Одна

лебёдка вдруг сердито вытянула шею и отогнала птенца, сунувшегося было к остальным. Тот обиженно отошёл, постоял в сторонке, снова попытался подобраться к матери и снова получил угрожающий выпад клювом.

— Ну прямо наша Лебедь, — хмыкнула Яга. — Та тоже: кто к сердцу поближе подберётся, сразу клювом.

Птенец не сдавался, но мать упорно держала его на расстоянии, и в конце концов он отошёл к луже и принялся сердито ковырять клювом мокрую траву, один, в стороне от своих.

— Вот ведь зараза, — тихо сказала Яга. — Маленький ещё, а уже обидели.

Она взглянула в зеркало. Шэнон смотрела оттуда на птиц, но ничего не сказала.

Яга спустилась с вала на широкую площадку между древними насыпями. Здесь ветер дул сильнее, трава ложилась под его порывами, а над холмами быстро бежали облака, обещая новый дождь. Старик говорил о пяти дорогах. Геката начертила ей на песке четыре, и одну из них смыла волна. Как сходятся эти числа, Яга пока не понимала, но ключ дороги на шнурке уже теплел, будто узнал место. Она сжала его в кулаке, закрыла глаза и прислушалась. Ключ потянул вправо. Яга сделала несколько шагов, тепло усилилось, и тут же ключ рванул в другую сторону. Она повернулась, прошла ещё немного и получила новый толчок, теперь уже откуда-то сбоку.

— Ты определись, железяка! Я тебе ведьма, а не флюгер!

Она вернулась на середину площадки и пошла по кругу, медленно, не обращая внимания на мокрую траву, цеплявшуюся за сандалии. И постепенно поняла, что ключ вовсе не мечется, а показывает сразу несколько направлений, и каждое отзывается по-своему: одно мягким теплом, другое коротким толчком, третье едва заметной дрожью, будто под землёй натянули струны и она трогает их по очереди. Яга повернулась вокруг себя ещё раз и сосчитала. Пять старых дорог, о которых рассказывал пастух, все до одной на месте. Она открыла глаза. Те же овцы, те же валы, тот же мокрый ветер, ничего вокруг не изменилось, но ключ в ладони держал невидимые нити, расходившиеся от этого холма во все концы Ирландии.

Она снова пошла по кругу, ещё медленнее, стараясь уловить каждое движение, и между двумя дорогами вдруг провалилась в пустоту. Ключ на мгновение будто потерял вес. Яга шагнула туда, ожидая знакомого упругого сопротивления закрытого портала, и не встретила ровным счётом ничего: ни стены, ни замка, ни запертой двери, за ручку которой можно было бы хоть подёргать. Казалось, кто-то когда-то вынул из мира целую строку, а края аккуратно стянул, чтобы никто не заметил пропажи. Яга попробовала ещё раз, и ещё. Пять дорог отзывались ясно и охотно, а в промежутке между ними ключ словно забывал, для чего его сделали. Был ли здесь когда-нибудь настоящий путь, Яга не знала. Но всем телом чувствовала, что в самом устройстве переходов недостаёт чего-то, чему полагалось быть, и недостаёт отнюдь не случайно.

Ветер шевелил мокрые волосы у её лица. Яга достала зеркало.

— Бабушки…

Прародительницы появились разом и по её лицу поняли, что шутки кончились.

— Что случилось? — спросила Ярослава.

— Тут пять старых дорог, — Яга обвела рукой холмы. — Все на месте. А между ними как словно что-то вырезали. И следа не оставили.

— Покажи, — нахмурилась Ведана.

Яга повернулась ещё раз, позволяя ключу отозваться на каждое направление. Когда она дошла до пустого промежутка, тепло исчезло так резко, будто его задули, и в зеркале стало тихо.

— Может, сломался? — первой нарушила молчание Мирослава.

— Он мне вчера ночью дворец нашёл! — возмутилась Яга. — И сегодня работает как миленький. А тут вдруг, на одной полоске травы, сломался?

— Вещи ломаются, — упрямо сказала Мирослава. — Даже дорогие.

— А может, — Зоряна медленно повернула голову, — кое-кто знает, почему он сломался именно здесь?

Шэнон побледнела. Яга это заметила, и внутри у неё поднялась злость, горячая, как уголь из печи. На Родосе она пообещала не спрашивать и честно держалась до самой Тары. Но сейчас она стояла посреди древних дорог и собственной ладонью ощущала дыру в их памяти, и обещание затрещало по швам.

— РОДСТВЕННИЦЫ ! Я ВАС СПРАШИВАЮ, ЧТО ВЫ В ИРЛАНДИИ НАТВОРИЛИ?!

Овцы на соседнем склоне дружно подняли головы. Одна возмущённо заблеяла, лебеди внизу вытянули шеи, а где-то за валом, кажется, гавкнула пастушья собака.

— Не ори, — поморщилась Любомира. — Мы и так слышим.

— А я хочу, чтобы вы ещё и вспомнили!

Зоряна уже открыла рот, глядя на Шэнон, но Ярослава остановила её сначала взглядом, а потом и словом:

— Хватит. Обвинять будем, когда узнаем, в чём дело.

Шэнон стояла неподвижно, и лицо у неё стало почти таким же серым, как ирландское небо.

— Я… — начала она.

Яга ждала. Но Шэнон только покачала головой и исчезла из зеркала, оставив среди одиннадцати лиц пустое место, совсем как та пустота между дорогами.

— Она боится, — тихо сказала Велимира.

— Чего?

— Не знаю.

И Яга ей поверила. Велимира больше не выдавала догадки за знание и не решала, какую часть правды остальные способны выдержать. Она обещала больше не решать за всех и держала слово, а это, как Яга уже успела понять, давалось ей тяжелее любого колдовства. Ведьма опустила зеркало и посмотрела на ключ. Повернулась к одной из пяти дорог, и он послушно потеплел. Повернулась к пустому промежутку, и в ладони остался холодный кусок металла.

К вечеру туман рассеялся настолько, что стали видны дальние поля и каменные ограды, а солнце ненадолго выглянуло между тучами и облило мокрую траву жидким золотом. Яга сидела на склоне, завернувшись в плащ, который за день окончательно проиграл борьбу с ирландской погодой, и держала на коленях авоську. Банка мёда, к счастью, пережила все перемещения без единой трещины. В зеркале прародительницы переговаривались вполголоса. Даже Любомира на время перестала выяснять, чем тут кормят, а Добронега ограничилась одним-единственным замечанием про мокрые ноги, что для неё было подвигом самоотречения.

Шэнон вернулась, когда солнце уже касалось края облаков. Яга заметила её сразу, но промолчала. Рыжая ведьма долго смотрела на холмы, словно пыталась узнать их через много столетий, и закатный свет запутался у неё в волосах.

— Завтра пойдём на восток, — наконец произнесла она. — В Дублин.

— Там найдём то, что ищем?

Шэнон помедлила.

— Там человек, которого я не хочу видеть.

— Живой хоть?

— К сожалению, да.

Яга посмотрела на неё внимательнее, вспомнила старика с собакой и короля, которому корона досталась вместе с запретами, но расспрашивать не стала. Она убрала зеркало в карман, поднялась и стряхнула с плаща мокрую траву. Над холмами снова собирались тучи, внизу блеяли овцы, а где-то за туманом, на востоке, лежал Дублин.

— Ладно, — сказала Яга, подхватывая авоську. — Только сначала найдём, где поесть и обсохнуть. А то я скоро сама торфом стану.

Глава вторая. Дублин

Утро началось с того, что Яга обнаружила в сандалии овечью шерсть. Шерсть была мокрая, с прилипшей травинкой, и каким-то чудом пережила вместе с хозяйкой ночь в маленьком гостевом доме неподалёку от Тары. Ночлег нашёлся накануне, уже в темноте, когда Яга, окончательно проиграв ирландской погоде, постучала в первую попавшуюся дверь с табличкой «Bed & Breakfast». Хозяйка, полная веснушчатая женщина с голосом, способным перекричать стадо, посмотрела на мокрую гостью, потом на её авоську и без лишних вопросов впустила в дом. Без лишних вопросов, но и не бесплатно: за комнату и ночлег Яге пришлось помочь хозяйке на кухне.

К утру платье высохло, плащ приобрёл приличный вид, а сандалии остались верны себе.

— Ёжкин пень, — пробормотала Яга, вытряхивая шерсть. — Одну ночь тут переночевала, а уже обрастаю.

За окном лежали зелёные поля, мокрая дорога и низкое серое небо. На заборе сидела ворона, взъерошенная и недовольная, словно ей тоже обещали Средиземное море, а привезли сюда. Ворона посмотрела на Ягу одним глазом, потом другим и осталась сидеть. Яга проверила крышку на банке пихтового мёда и бережно опустила банку в авоську. За время путешествия этот мёд стал единственной вещью, которая пахла домом, лесом и тёплым солнцем Сианы и при этом не пыталась объяснить ведьме устройство мироздания. Зеркало в кармане ожило, едва она застегнула плащ.

— Обсохла? — спросила Добронега тоном человека, заранее знающего ответ. — Носки бы тебе шерстяные, да потолще!

— Носки у меня появятся, как только найду лавку, где их продают.

— Сначала узнай, почём там носки, — немедленно вмешалась Мирослава. — Ирландия тебе не Белолесье, тут за красивые глаза ничего не дают.

— Мне и в Белолесье за красивые глаза не всё дают, — возразила Яга. — Иногда ещё требуют Кощея из очередной передряги вытаскивать.

— А завтрак в цену комнаты входит? — Мирослава прищурилась. — Входит? Тогда ешь всё до крошки. Ты заработала.

— Вот и правильно, — обрадовалась Любомира, впервые в жизни согласившись с Мирославой. — И узнай, что они на завтрак готовят. Говорят, у ирландцев завтраки хорошие.

— У тебя все завтраки хорошие, если их достаточно, — заметила Зоряна.

— А у тебя все плохие, если люди за столом радуются, — отрезала Любомира.

Яга улыбнулась и поискала глазами Шэнон. Рыжая сидела в глубине зеркала и смотрела куда-то мимо остальных. После Тары она почти не вступала в разговоры, и даже привычная перепалка Любомиры с Зоряной не выжала из неё улыбки.

— Ну что, проводница, едем в Дублин?

— Едем, — Шэнон подняла глаза. — Лучше пораньше.

— Значит, сначала завтрак, потом дорога. В таком порядке у меня даже проклятия лучше работают.

Хозяйка кормила так, будто собиралась после завтрака отправить гостью копать картошку до самого Самайна. Тарелка, которую она поставила перед Ягой, была размером с колесо от телеги, и на ней теснились яичница, поджаренный хлеб, фасоль в томате, жареные помидоры, грибы и колбаски нескольких сортов, а среди них одна подозрительно тёмная, круглая и плотная, о происхождении которой Яга решила не спрашивать, чтобы не портить себе аппетит. Любомира, глядевшая из кармана, едва не прослезилась от умиления и потребовала, чтобы Яга завернула хлеба с собой. Мирослава следила за каждым куском, как сборщик податей. Яга честно съела всё, что было, и выпила три чашки чая с молоком.

— Я так скоро не в портал войду, а закачусь, — сказала она, откидываясь на спинку стула.

Хозяйка, не подозревавшая о семейном совете в кармане гостьи, спросила, куда та собирается, и, услышав про Дублин, предложила подвезти до автобусной остановки в соседнем городке. А на прощание сунула Яге бумажный пакет с двумя тёплыми булочками, «на случай, если проголодаетесь» и немного денег на дорогу. Яга поблагодарила её так искренне, что женщина порозовела, а Любомира в зеркале одобрительно закивала, будто булочки испекла сама.

Автобус оказался большим, тёплым и совершенно равнодушным к тому, что среди пассажиров едет тринадцатая ведьма Рода с тремя ключами Гекаты на шее. Яга устроилась у окна, зажала авоську между ног и стала смотреть, как за стеклом проплывают поля, каменные ограды и деревушки с дверями, выкрашенными во все цвета, какие нашлись у местных маляров: красные, синие, жёлтые, одна даже серо-буро-малиновая, будто хозяева поспорили между собой и никто не уступил. Даже серое небо здесь не могло сделать мир бесцветным, и Ирландия понемногу переставала казаться Яге мокрой тряпкой, наброшенной на остров.

Шэнон появилась в зеркале, когда автобус миновал очередную деревню.

— Здесь раньше шла старая дорога, — тихо сказала она.

— Ну и что? Люди дороги ремонтируют, расширяют.

— Эту не расширили, — Шэнон покачала головой. — Эту положили совсем другую, поверх.

Она отвернулась, и Яга решила разговор не продолжать.

Дома за окном постепенно сдвигались плотнее, машин становилось больше, и наконец Шэнон сказала: «Дублин». Яга прижалась лбом к стеклу и вполголоса пожелала столице, чтобы у неё хотя бы крыши не протекали.

Дублин встретил её шумом автобусов, запахом кофе и дождём, который, похоже, ненадолго прервался, чтобы набраться сил. По улицам спешили люди с зонтами, велосипедисты лавировали между машинами с ловкостью карманников, а из открытых дверей кафе доносился звон посуды. Над крышами поднимались старые шпили, кирпичные фасады соседствовали с блестящими витринами, и всё это вместе было красиво, шумно и мокро. Через несколько кварталов Яга вышла к реке. Лиффи текла между каменными набережными, отражая серое небо и

пёстрые фасады, а через неё перекинулись мосты, один за другим, словно город никак не мог решить, сколько переходов ему нужно.

— Вот ведь люди, — Яга облокотилась на перила. — Мостов понастроили, и хоть бы один прокляли. Учиться нам у них надо.

— Мосты тоже иногда закрывают, — заметила Шэнон.

— На ремонт?

— По-разному.

Яга повернулась к зеркалу.

— Ты сегодня каждую мою шутку собираешься портить?

Шэнон попыталась улыбнуться, но вышло плохо.

— Прости.

— Да ладно, у меня их запас. На тебя хватит.

Они пошли вдоль реки. Шэнон указывала дорогу, но то и дело запиналась на полуслове, сличая нынешние улицы с теми, что жили у неё в памяти, и каждый раз проигрывала. Там, где у неё был переулок, теперь стоял магазин, дом с узкими окнами обернулся конторой с зеркальными стёклами, а мост через Лиффи оказался не тем мостом, а каким-то совсем новым, наглым и железным. После третьего такого открытия Яга предложила купить карту.

— Я помню, куда идти, — упрямо сказала Шэнон.

— Верю. Просто город, похоже, об этом не предупредили.

Из одного паба, мимо которого они проходили, уже лилась музыка: скрипка, что-то вроде дудки и несколько голосов, не слишком трезвых, зато очень дружных. Время было ещё далеко не обеденное. Яга остановилась послушать, выяснила у Шэнон, что пьют здесь с утра не все, а вот поют почти все, и вынесла приговор:

— Хорошая страна.

К полудню выяснилась неприятная особенность путешествий через порталы: магия исправно переносила Ягу через пространство и время, но о местной валюте не заботилась совершенно. Яга стояла перед витриной маленькой кофейни, где лежали пироги, булочки и яблочный пирог такой красоты, что хотелось снять перед ним шляпу, и высыпала на ладонь всё своё богатство: несколько монет, которые дала хозяйка ночлега, и мятую бумажку неизвестного происхождения.

Мирослава появилась в зеркале раньше, чем Яга успела её позвать, пересчитала монеты прямо через серебро и вынесла вердикт:

— Маловато. А куда остальные делись?

— Ты же сама видела. На Родосе оставила, в виде пахлавы, сумы и мёда.

— Вот! Я же говорила, одну банку бери!

— Я одну и взяла!

— А денег всё равно нет!

— Зато булочки какие красивые, — вздохнула Любомира, заглядывая Мирославе через плечо. — Яга, ну ты же ведьма!

— Любомира, я ведьма, а не монетный двор!

Зоряна тут же заявила, что деньги развращают людей, на что Мирослава ответила, что отсутствие денег развращает их куда быстрее, потому что приходится занимать. Под этот спор Яга ещё раз пересчитала монеты и убедилась, что на самый скромный перекус хватит. Яблочный пирог манил за стеклом. Она купила чашку чая и кусок хлеба с сыром, устроилась у окна и достала из пакета хозяйкину булочку, мысленно благословив добрую женщину до седьмого колена. Мирослава осталась недовольна ценой чая, Любомира размером порции, а Добронега тем, что Яга опять сидит в мокрых сандалиях.

— Ягусенька, ножки! — простонала она.

— Добронега, если ты ещё раз скажешь про ножки, я тебе их через зеркало покажу. Обе. Крупным планом.

Добронега обиженно поджала губы, но замолчала. Шэнон молчала и без того. Яга отломила кусочек булки, задумчиво пожевала и посмотрела на неё.

— Далеко ещё?

— Почти пришли.

— Ну смотри. А то я уже начинаю подозревать, что ты водишь меня по всему Дублину, чтобы я сама забыла, зачем приехала.

— Я помню, — сказала Шэнон и подняла глаза.

В её голосе прозвучало что-то такое, отчего Яга перестала улыбаться.

— Ладно, — сказала она мягче. — Допиваю чай, и идём.

Но идти пришлось долго. Шэнон водила её по улицам, сворачивала, возвращалась, подолгу стояла на углах, вслушиваясь в город, как вслушиваются в голос человека, которого не видели много лет и которого уже не узнать. Яга не торопила. К вечеру Дублин стал другим. Над Лиффи зажглись фонари, витрины налились тёплым светом, из пабов потянулись музыка, смех и запах жареного мяса, и весь город постепенно превратился в один большой шумный разговор, в котором каждый говорил своё и все друг друга прекрасно понимали.

С оживлённой улицы они свернули в старый переулок, где было тише. Мокрая брусчатка блестела под фонарями, кирпичные стены потемнели от сырости, над дверями висели маленькие вывески. Посреди переулка Шэнон вдруг остановила Ягу так резко, что Яга едва не налетела на прохожего.

— Здесь, — сказала Шэнон.

Это был старый паб с тёмной деревянной дверью и маленькими окнами в мелкий переплёт. Над входом покачивалась вывеска, потускневшая так, что разобрать на ней можно было только позолоченный кружок, то ли монету, то ли луну. Изнутри доносились голоса, негромкая музыка и звон стаканов. Ничего особенного в этом пабе не было, обычное заведение, каких в Дублине хватало на каждую вторую улицу. На водостоке над дверью сидела ворона, мокрая и взъерошенная, очень похожая на ту, утреннюю, хотя, конечно, все вороны похожи. Но Шэнон смотрела на дверь так, будто за ней ждало что-то куда хуже очередного семейного скандала.

— Он здесь? — спросила Яга. — Тот самый человек, которого ты не хочешь видеть?

Шэнон кивнула.

Яга убрала зеркало в карман, поправила плащ и проверила, на месте ли авоська с мёдом.

— Ну что ж, — пробормотала она. — Надеюсь, тут хотя бы кормят прилично.

И взялась за дверную ручку.

Глава третья.Паб

Яга потянула дверь на себя и едва не получила ею по носу: из паба как раз выходил широкоплечий мужчина с рыжей бородой, кружкой в руке и таким довольным лицом, будто вечер удался. Он ловко придержал дверь плечом, пропустил странно одетую женщину и пожелал ей хорошего вечера. Яга поблагодарила, проскользнула внутрь и сразу почувствовала, как промокшие за день ноги начинают оттаивать.

Паб оказался именно таким, каким и полагается быть приличному ирландскому пабу после дождя: тёплым, шумным и слегка тесноватым. Потолок пересекали потемневшие балки, над стойкой висели медные кружки, а на стенах среди старых фотографий и пожелтевших афиш обнаружилось столько часов, что Яга заподозрила хозяина в тайной торговле временем. Все часы показывали разное, и посетителей это нисколько не беспокоило. В углу трое музыкантов играли что-то быстрое и задорное: скрипка норовила обогнать флейту, флейта спорила с маленьким барабаном, а пожилой мужчина за соседним столом отбивал ритм каблуком и время от времени выкрикивал слова, которые Яга предпочла не переводить. Пахло жареным мясом, луком, свежим хлебом и пивом, и желудок ведьмы немедленно напомнил, что хлеб с сыром был давно и полноценным ужином вообще не считается.

— Вот это я понимаю, заведение, — одобрительно пробормотала Яга. — Даже если никого не найдём, хоть погреемся.

Карман подозрительно зашуршал: Любомира явно пробивалась к экрану первой.

— Яга, спроси, что это так пахнет! Мясо тушат? С подливой? А хлеб, посмотри, какой хлеб несут!

— Вижу, Любомира. Только денег у нас с тобой примерно на одну салфетку.

— А ты её с подливой попробуй, — посоветовала Мирослава. — Может, хоть за подливу не возьмут.

Яга прижала карман ладонью, пока прародительницы не принялись обсуждать стоимость каждого блюда. Шэнон, ради которой они сюда пришли, молчала. Перед дверью она ещё пыталась что-то сказать, но стоило Яге переступить порог, как рыжая отступила в самую глубину зеркала. Яга огляделась внимательнее. За стойкой высокий мужчина с седыми усами разливал пиво, принимал заказы и одновременно спорил с двумя посетителями о футболе. Молодая официантка с подносом протискивалась между столами, а у камина дремала собака, которой, судя по размеру живота, перепадало здесь немало. Никого, кого стоило бы бояться, Яга не увидела.

— И кого ищем? — шепнула она, вытянув зеркало из кармана до половины.

Шэнон смотрела поверх её плеча, в дальний угол, где за высоким деревянным шкафом начинался узкий проход.

— Подожди. Я должна убедиться.

Яга вздохнула. После нескольких дней с Гекатой она привыкла, что древние женщины отвечают на простые вопросы так, будто за каждое лишнее слово платят золотом. Но Шэнон сейчас была не загадочной, а испуганной, и Яга решила пока не приставать. Она подошла к стойке и заказала самый дешёвый чай, чем искренне удивила бармена.

— Чай? Вечером?

— А что, у вас после шести кипяток сильно дорожает?

Бармен расхохотался, поставил перед ней чашку и кивнул на свободное место у стены. Яга расплатилась последней мелочью и устроилась так, чтобы видеть и вход, и дальний проход. За соседним столом двое мужчин обсуждали скачки. Один уверял, что его лошадь непременно победила бы, если бы не жокей, погода и подлая натура остальных участников забега, а второй слушал с лицом человека, который слышит эту историю каждую пятницу и всё ещё надеется на другой конец.

На стене напротив стола висело большое старое зеркало в тяжёлой раме, потемневшее по краям, а под ним стоял низкий столик, заставленный пустыми кружками. Из-за кружек вдруг показалась маленькая зелёная шляпа. Шляпа двигалась совершенно самостоятельно, то ныряла за кружки, то появлялась снова, потом из-за стола вынырнула рука с короткими пальцами, подтянула к себе блюдце с орешками и скрылась.

— Вот ведь… — начала Яга и осеклась.

Эту шляпу она уже видела. Более того, ей доводилось видеть и её владельца, причём в обстоятельствах, когда слова «договор», «неустойка» и «КолобЭк» звучали куда чаще любых приличных выражений. В деле о гостинице КолобЭка, когда Яге пришлось побыть адвокатом, этот коротышка на пару с Румпельштильцхеном проявил такой талант к составлению взаимоисключающих обязательств, что судебные бумаги начинали нервно шелестеть при одном его появлении. Яга медленно поставила чашку.

— Ну здравствуй, юридическая катастрофа в зелёной шляпе.

Из-за стола выглянуло круглое лицо с рыжеватыми бакенбардами, острым носом и маленькими хитрыми глазками. Лепрекон несколько мгновений разглядывал ведьму, затем узнал и отшатнулся так резко, что приложился затылком о край столешницы.

— Адвокат Яга?!

— Собственной персоной. Только без судебной мантии, так что документы можешь пока не прятать.

Лепрекон поспешно поправил шляпу и одёрнул жилет. На животе у него поблёскивала цепочка от часов, из внутреннего кармана торчал уголок сложенной бумаги, и вид у него был такой, будто он одновременно хозяин заведения, его главный бухгалтер и тот самый посетитель, который в случае проверки первым заявит, что оказался здесь совершенно случайно.

— Какая неожиданная встреча! — воскликнул он, стараясь улыбнуться. — Признаться, не ожидал увидеть вас в столь… географически удалённых обстоятельствах.

— А я тебя вообще больше видеть не рассчитывала. После гостиницы КолобЭка думала, ты уже где-нибудь в тюрьме сидишь. Или в бухгалтерии. Даже не знаю, что хуже.

— Прошу вас! Все мои действия тогда осуществлялись в строгом соответствии с условиями подписанных соглашений.

— Семи штук, если память мне не изменяет?

— Семи, — с достоинством подтвердил он. — И каждое юридически действительно в пределах собственной юрисдикции. А то, что они друг другу противоречат, мадам, это вопрос межведомственного согласования.

Яга не удержалась от смеха. Коротышка тоже захихикал, решив, что гроза миновала, и даже пригласил её за свой столик, потому что «здесь, знаете ли, не принято обсуждать дела стоя, особенно старые, особенно те, по которым истёк срок предъявления претензий». Яга пообещала дать ему сроком давности по шляпе, но села, поставила авоську у ног и с наслаждением вытянула замёрзшие ступни к камину. Лепрекон тут же скосил глаза на банку.

— Это что у вас?

— Пихтовый мёд. Греческий.

— Любопытно. А документы о происхождении имеются?

— Тебя, мой дорогой, это не касается.

Коротышка поднял ладони, показывая, что вопрос снимается.

— Сугубо профессиональный интерес. Международная торговля, перемещение товаров через границы…

— Понимаю. Ты и чужой ужин без декларации не пропустишь.

Лепрекон довольно улыбнулся, и Яга уже собиралась спросить, каким ветром его занесло в Дублин, когда зеркало в её кармане вдруг стало холодным. Она почувствовала это даже сквозь ткань. Серебряный напёрсток на среднем пальце тоже остыл, хотя три ключа Гекаты лежали на груди спокойно.

— Шэнон? — тихо позвала Яга.

Карман не ответил. Зато в большом зеркале на стене что-то изменилось. Среди отражений посетителей, столов и ламп появилась рыжая женщина. Шэнон стояла там, где в самом зале никого не было, и смотрела прямо на лепрекона. Коротышка проследил за взглядом Яги, медленно повернул голову, и улыбка сползла с его лица. Он побелел так стремительно, что веснушки на носу проступили, как изюм в тесте. Рука с орешком застыла на полпути ко рту, орешек выпал, стукнулся о стол и укатился под стул.

— Нет, — прошептал лепрекон. — Нет-нет-нет. Этого не может быть. Это нарушение установленного порядка!

— Вы знакомы? — спросила Яга, переводя взгляд с одного на другую.

Лепрекон вскочил, опрокинув стул, и вцепился в жилет.

— Мадам, я вынужден воспользоваться правом не свидетельствовать против самого себя.

Шэнон медленно наклонила голову.

— Ты всё ещё должен мне, коротышка!

Сказано это было негромко, но Яга впервые услышала в голосе рыжей такую холодную ярость, что по спине пробежали мурашки. Даже Зоряна, никогда не упускавшая случая кого-нибудь осудить, промолчала. Лепрекон оглянулся на дверь, потом на окно, потом снова на зеркало, будто прикидывал, что из этого откроется быстрее.

— Шэнон, дорогая, — начал он с натянутой улыбкой, — я уверен, что все возникшие между нами разногласия можно урегулировать путём переговоров, при условии взаимного отказа от претензий и соблюдения конфиденциальности.

— Ты называешь это разногласиями?

— Терминология имеет значение!

Яга уселась поудобнее.

— Так. Теперь и мне интересно.

Лепрекон посмотрел на неё с отчаянием человека, который только что обнаружил, что приглашённый им юрист представляет противоположную сторону, и заявил, что мадам Яга не является участницей данного правоотношения. Яга ответила, что является роднёй пострадавшей стороны, а если он желает это оспорить, пусть попробует. Тем временем в настенном зеркале за спиной Шэнон проступили другие лица. Любомира смотрела удивлённо, Мирослава с живым интересом, Зоряна уже набирала воздуху для нравственного осуждения, а Ярослава молча смотрела на лепрекона, и от этого взгляда тот окончательно потерял опору.

— Сколько вас там?! — пискнул он.

— Достаточно, — сказала Яга. — Рассказывай.

Лепрекон осторожно опустился на край стула, промокнул лоб платком и вытащил маленькую кожаную папку, в которой, к удивлению Яги, обнаружилось несколько сложенных листов, перевязанных тонкими лентами.

— Прежде всего, — объявил он, пытаясь вернуть деловой тон, — необходимо установить, о каком именно обязательстве идёт речь.

— О твоём, — сказала Шэнон.

— У меня их много!

— Я знаю.

Он тяжело вздохнул и разложил бумаги на столе. Один лист был исписан бисерным почерком, другой украшен печатями, третий выглядел так, будто его сочиняли одновременно три человека, каждый из которых ненавидел двух остальных.

— Семь контрактов, — пояснил лепрекон. — Исторически сложившийся комплекс взаимосвязанных соглашений.

— Опять семь? Ты что, других чисел не знаешь?

— Семь является традиционно благоприятным числом! — Он ткнул пальцем в строку. — Согласно первому соглашению, сторона обязалась предоставить сведения. Согласно второму,

сведения подлежали передаче исключительно уполномоченному лицу. Третье определяло размер вознаграждения, четвёртое порядок его получения, пятое…

— А шестое объясняло, почему первые пять друг другу мешают, — перебила Яга.

— Шестое содержало исключения! А седьмое, — он замялся, — регулировало последствия применения исключений.

— Да он же сам себя обокрал! — не выдержала Мирослава.

— Попрошу не вмешиваться в финансовую часть!

— Финансовую? — Яга насторожилась. — И сколько тебе заплатили? И за что?

Лепрекон посмотрел на Шэнон, потом на бумаги и промолчал. Шэнон подошла к самой поверхности зеркала. Лицо её оставалось неподвижным, но кулаки она сжала так, что побелели костяшки.

— Скажи ей, — произнесла она.

Коротышка сглотнул и заговорил тем голосом, каким зачитывают протокол, чтобы не слышать собственных слов: за сведения о местонахождении определённого лица, а именно Шэнон. Музыка в дальнем углу словно отодвинулась куда-то за стену, хотя скрипач продолжал играть, а посетители по-прежнему смеялись. Весёлое настроение, с которым Яга вошла в паб, утекало из неё, как вода из худого ведра.

— Ты продал сведения о ней? — медленно переспросила она.

— Формулировка «продал» носит эмоционально окрашенный характер. Я предпочёл бы термин «предоставил за вознаграждение».

— Кому?

— Одному приезжему господину. В документах он обозначен как уполномоченный представитель…

— Имя, мать твою!

Лепрекон вздрогнул.

— Инквизитор, — выдохнул он. — Он называл себя инквизитором.

Шэнон закрыла глаза. Лепрекон, торопясь, будто скорость могла его оправдать, заговорил о том, что господин предъявил бумаги, печати, подписи, распоряжение о розыске, что всё выглядело надлежащим образом оформленным и что он не обязан проверять нравственные качества каждого, кто обращается за сведениями.

— Ты хоть понимал, что её будут преследовать?

— Яга, я не имел возможности предвидеть все последствия…

— А семь золотых предвидеть смог?

Коротышка оскорблённо выпрямился.

— Семь золотых это предполагалось, я получил только три, остальное удержали в качестве налога.

Яга замерла. Эту фразу она уже слышала, слово в слово. В ту ночь, когда ковен впервые собрался в горнице прародительниц, рыжая с горькой насмешкой рассказывала, как нашла в Дублине отца и как тот её продал, и вот этими самыми словами пересказывала его жалобу на налог. Тогда это звучало почти анекдотом про какого-то далёкого дублинского лепрекона. Яга перевела взгляд с зелёной шляпы на настенное зеркало и обратно.

— Так это ты, — сказала она. — Это ты её отец.

— Да, Яга, — ответила Шэнон, глядя не на неё, а на маленького человечка в зелёной шляпе. — Это мой, мать его, отец!

Мирослава ахнула так громко, что зеркало в кармане звякнуло о пряжку.

— Четыре золотых за налог! Сколько ни слышу, а сердце кровью обливается!

— Именно! — Лепрекон оживился, словно наконец нашёл родственную душу. — И без всякого предварительного уведомления! Я до сих пор считаю удержание неправомерным!

— Подожди, — Яга подняла руку. — Ты сейчас жалуешься, что тебе недоплатили за предательство собственной дочери?!

Лепрекон застыл. Шэнон открыла глаза.

— Вот теперь, — тихо сказала она, — кто то наконец назвал это правильно.

Коротышка судорожно поправил воротник, будто тот внезапно стал ему тесен, и пробормотал, что семейные отношения, позвольте уточнить, не отменяют необходимости соблюдения договорных обязательств. Яга смотрела на него и пыталась уложить всё это в голове. Перед ней сидел тот самый юридический прохвост, который когда-то довёл гостиничное дело КолобЭка до полного абсурда, и он же оказался отцом одной из двенадцати прародительниц её Рода, а значит, где-то очень далеко на ветвях семейного древа, и её собственной роднёй.

— Ну и семейка, — выдохнула она. — У нас, конечно, всякое бывало. Одна жениха у сестры увела, другая всем память подправила… Но чтобы родную дочь по договору Инквизитору сдать, да ещё на налог обижаться?!

— Это чудовищно! — обрела наконец голос Зоряна. — Родитель обязан защищать своё дитя!

— Не начинай, — тихо сказала Шэнон.

И Зоряна, к изумлению Яги, замолчала.

Лепрекон тем временем проворно собирал бумаги обратно в папку, явно рассчитывая, что после такого признания все будут слишком потрясены, чтобы продолжать расспросы. Но Яга уже пришла в себя.

— Сидеть!— рявкнула она так, что музыка затихла.

Коротышка послушно опустился на стул с обреченным видом.

— Значит, так, "«папаша». Сейчас ты расскажешь мне, что за Инквизитор сюда приезжал, какие бумаги показывал и куда потом подался. И без юридических выкрутасов, потому что я весь день ходила по Дублину, денег у меня нет, ноги мокрые, а терпение закончилось ещё по дороге.

— Я не уверен, что вправе разглашать сведения, содержащиеся в документах, срок хранения которых…

— Ты меня не услышал, коротыш! Я пленных не беру!

— Хорошо! Хорошо! — Он замахал руками. — Но прежде я должен проверить одну вещь.

Он снова раскрыл папку, отыскал среди бумаг старый, пожелтевший лист и долго всматривался в строчки. Потом поднял голову и впервые за весь вечер обратился к дочери прямо, без «дорогой» и без улыбки:

— Шэнон… ты помнишь, что именно обещала тогда?

Рыжая нахмурилась, и по её лицу Яга поняла, что вопрос застал её врасплох куда сильнее, чем встреча с отцом.

— Обещала? Что?

Лепрекон посмотрел на неё так, будто этот ответ оказался страшнее всех обвинений разом.

— Значит, не помнишь, — прошептал он.

Ключ нити под платьем у Яги едва заметно дрогнул.

— Что она должна помнить?

Коротышка быстро сложил лист, спрятал его в папку и прижал папку к груди.

— Боюсь, мадам, — сказал он уже без всякой развязности, — этот вопрос выходит далеко за пределы семи контрактов.

Яга придвинулась ближе.

— А мы никуда не торопимся. У нас, между прочим, впереди целая ночь.

Лепрекон посмотрел на неё, потом на Шэнон, потом на дверь паба, за которой снова зашумел дождь, и впервые за весь вечер не нашёл ни одной подходящей юридической формулировки.

Глава четвёртая. Гейс

Лепрекон молчал уже добрых полминуты, и Яга начала подозревать, что наблюдает редчайшее природное явление: ирландский юрист добровольно перестал разговаривать.

Впрочем, ненадолго. Коротышка поправил шляпу, извлёк из жилета золотые часы, сверился с циферблатом и объявил, что вынужден покинуть заведение по чрезвычайно важному делу. Дело, судя по тому, как он косился на дверь, состояло в том, чтобы оказаться как можно дальше от Яги и собственной дочери.

— Сиди, папаша, — распорядилась Яга, придвигая к себе его кожаную папку. — Ты задал интересный вопрос, а теперь собрался удрать, не объяснив, почему у тебя при этом лицо как у Кощея после налоговой проверки.

— Мадам, я категорически возражаю против подобной характеристики! Моё лицо выражает исключительно профессиональную озабоченность.

— А ноги выражают желание сбежать. Причём куда убедительнее.

Лепрекон покосился под стол, где его короткие ножки и правда потихоньку разворачивались носками к выходу, и поспешно поставил их ровно.

В пабе тем временем жизнь шла своим чередом. Скрипач сменил мелодию, у стойки снова спорили о футболе, а официантка пронесла мимо две тарелки такого ароматного мясного рагу, что Любомира в кармане потребовала прекратить допрос хотя бы на время ужина.

— С голодным человеком о серьёзном говорить нельзя! У него мысли неправильные становятся. Вон у Яги сейчас все мысли об убийстве, а поела бы, глядишь, подобрела.

— У меня мысли об убийстве потому, что кое-кто продал собственную дочь за семь золотых, — напомнила Яга.

— За три, — машинально поправил лепрекон. — Фактически я получил только три.

Мирослава издала такой стон, словно недополученные монеты вынули из её собственного сундука, но Ярослава устало сказала: «Мирослава, речь не о деньгах», и та, к общему удивлению, промолчала.

— Ладно, — Яга отодвинула пустую чашку. — Вернёмся к твоему вопросу. Что именно Шэнон должна была помнить?

Лепрекон перестал теребить цепочку от часов, взглянул на большое зеркало, где рыжая стояла скрестив руки на груди, неподвижно, как изваяние, и осторожно закрыл папку.

— Видите ли, мадам, существуют обязательства, которые не прекращаются вследствие утраты памяти одной из сторон.

— Это я знаю. Пообещай Тихону пирог, он и через неделю вспомнит, особенно если пирога так и не было.

— Я говорю о куда более древних обязательствах. Гораздо более древних.

— Древнее Тихона? Ему сорок пять, но голодный он выглядит на все сто.

Коротышка не улыбнулся. Он достал платок, вытер лоб и наконец произнёс одно слово:

— Гейс.

Шэнон вздрогнула. Яга заметила это и обернулась к зеркалу, но рыжая уже отвела глаза.

— Это ещё что за зверь?

— Не зверь, — опередила лепрекона Ведана. — В ирландских преданиях гейсом зовут особое обязательство или запрет. Иногда человек принимает его сам, иногда его возлагают на человека. Нарушить гейс значит навлечь беду, и не всегда сразу.

— Благодарю, — сухо сказал лепрекон. — Я собирался объяснить это самостоятельно.

— Тогда объясняй так, чтобы было понятно, — потребовала Яга. — А то у тебя любое предложение начинается с обязательства, а заканчивается квитанцией за услугу.

Лепрекон вздохнул и придвинул папку к себе. Он явно чувствовал себя увереннее, когда между ним и собеседницей лежали документы.

— Представьте, мадам, что однажды вы дали слово или согласились соблюдать запрет. Прошло время, обстоятельства изменились, люди умерли, города перестроили, а обязательство осталось в силе. Оно существует независимо от того, насколько хорошо вы помните, как оно возникло. Даже если вы забыли о нём совсем.

Яга нахмурилась, медленно переводя взгляд с него на зеркало.

— То есть она забыла, что обещала?!

— Да.

— А обещание не забыло?!

— Нет.

— У ВАС ТУТ ЧТО, ДАЖЕ ПРОКЛЯТИЯ С ЛУЧШЕЙ ПАМЯТЬЮ, ЧЕМ У ЛЮДЕЙ?!

За соседним столом смолкли любители скачек. Один осторожно обернулся к Яге, другой заглянул в её чашку, пытаясь понять, что же ей туда налили.

— Попрошу не повышать голос, — съёжился лепрекон. — Здесь приличное заведение.

— Вот и веди себя прилично! — Яга ткнула в него пальцем. — Выкладывай, что знаешь, и перестань прятаться за словами.

— Я не прячусь! Я соблюдаю осторожность!

— Ты собственную дочь сдал приезжему инквизитору. Осторожность у тебя включилась с большим опозданием.

На этот раз коротышка оправдываться не стал. Он опустил глаза, и Яга с удивлением заметила, что пальцы у него дрожат.

Шэнон всё это время держалась у самого края зеркала, будто боялась подойти к разговору ближе. Когда Яга спросила, помнит ли она хоть что-нибудь о давнем обещании, рыжая долго молчала, а потом заговорила, глядя не на Ягу и не на отца, а куда-то сквозь стену паба:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.